

Чтение по складам
и графико-
орфографические
особенности
древнерусских
берестяных грамот*

Reading by Syllables
and Graphico-
Orthographic
Features of Old
Russian Birchbark
Letters

**Павел Владимирович
Петрухин**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Школа актуальных гуманитарных
исследований РАНХиГС
Москва, Россия

Pavel V. Petrukhin

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
School for Advanced Studies in the
Humanities (RANEPA)
Moscow, Russia

Резюме

В значительной части берестяных грамот используется так называемая бытовая графическая система, главной отличительной чертой которой является смещение букв *ъ* и *о*, *ь* и *е*. Исследователями высказывалось предположение, что формирование и основные особенности данной системы связаны с теми навыками, которые пишущие приобретали в процессе освоения

* Автор признателен А. А. Гиппиусу, Г. А. Молькову, Б. А. Успенскому, а также анонимному рецензенту журнала «Словѣне» за внимательное прочтение предварительного варианта статьи и ценные замечания. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352), предоставленного Институту славяноведения РАН.

Цитирование: Петрухин П. В. Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 103–128.

Citation: Petrukhin P. V. (2020) Reading by Syllables and Graphico-Orthographic Features of Old Russian Birchbark Letters. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 103–128.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.4

грамоты. В статье приведены аргументы, подтверждающие эту гипотезу. В заключительной части статьи бытовая графическая система рассматривается в контексте мировой истории письма.

Ключевые слова

берестяные грамоты, бытовая графическая система, система чтения по складам, эффект скандирования, история и типология письменных систем

Abstract

A significant part of birchbark letters use the so-called vernacular graphic system, the main distinguishing feature of which is the mixing of the letters *ъ* and *о*, *ь* and *е*. Researchers have suggested that the development and main features of this system are related to the skills that the authors of birchbark letters acquired in the process of mastering literacy. The article provides arguments supporting this hypothesis. In the final part of the article, the vernacular graphic system is considered in the context of the world history of writing.

Keywords

birchbark letters, vernacular graphic system, reading by syllables, chanting effect, history and typology of writing systems

I begin with a simple observation that was hard for scholars to make:

If you haven't learned to read an alphabet,
you don't think of "letters" as components of words.

It's hard, though, for people who do read with an alphabet to imagine that.

Peter T. Daniels, *An Exploration of Writing*

Введение

Задолго до находки первой новгородской берестяной грамоты в древнерусской письменности было отмечено спорадическое смешение букв *о* и *ъ*, *е* и *ь* [Соболевский 1900/2006: 504], и если появление *о* и *е* на месте сильных еров можно было трактовать как влияние южнославянских протографов и/или следствие прояснения редуцированных в восточнославянском, то прочие случаи буквенных мен (в частности, *о* и *е* на месте слабых еров) требовали иного объяснения. А. А. Шахматов [1915: 208–209; 1941: 82–83] и Н. Н. Дурново [1926–1927/2000: 448–450; 1933/2000: 650] предположили, что в древнерусском церковном произношении буква *ъ* читалась как [o], а буква *ь* — как [e], тем самым *ъ* и *о* одинаково читались как [o], *ь* и *е* — как [e], что порой и приводило к смешению этих букв на письме. Ряд дополнительных свидетельств

в пользу данной гипотезы привел Б. А. Успенский (в частности, речь идет о материале древнерусских кондакарей [Успенский 1988/1997: 147–150; 2002: 141], а также о традиции «хомового» («наонного») пения, до сих пор сохраняющейся у старообрядцев-беспоповцев [Успенский 1967/1997: 299; 1968: 39–40; 2002: 145–148]).

После обнаружения берестяных грамот стало ясно, что в древней Руси имелся разряд текстов, в котором мена \bar{z} и o , \bar{b} и e носила не окказиональный, как в книжных рукописях, а массовый характер. А. А. Зализняк назвал такой способ записи «бытовой графической системой». От книжной графической системы она отличается «наличием хотя бы одного из следующих явлений: 1) смешение \bar{z} с o ; 2) смешение \bar{b} с e ; 3) смешение \bar{b} с e (и его эквивалентами) и/или с u . Кроме того, новгородская бытовая графическая система характеризуется наличием систематического смешения \bar{c} с $ч$, тогда как в новгородской книжной письменности это смешение присутствует лишь в качестве погрешности (хотя и довольно распространенной) против общей установки писца на этимологически правильное распределение \bar{c} и $ч$ » [ДНД₂: 23]¹. Согласно Зализняку, о системном характере этого явления говорит тот факт, что «смешение» ограничено известным набором букв, в то время как остальные буквы (графемы), как правило, последовательно различаются. В [Зализняк 2002] бытовая графическая система названа «неполноразличительной», поскольку «некоторые фонемы, различно передаваемые в основной (т. е. книжной, или «стандартной» — П.П.) системе, здесь передаются (всегда или в значительной части случаев) одинаково»; «[д]ревнерусская система со смешением $\bar{z} - o$ и/или $\bar{b} - e$ с точки зрения ее структуры должна быть охарактеризована именно как неполноразличительная (тогда как обозначение “бытовая” есть ее характеристика с совершенно иной точки зрения — по социальной функции)» [Ibid.: 594–595].

Причина буквенного смешения в книжных рукописях и в берестяных грамотах, надо полагать, одна и та же: омофоничность букв \bar{z} и o , \bar{b} и e в книжном произношении². Однако степень выраженности этого

¹ Мена букв может выглядеть по-разному, например, в виде эффектов $\bar{z} \rightarrow o$, $\bar{z} = o$, $\bar{z} \rightarrow o/\bar{b}$. Поначалу Зализняк допускал сосуществование нескольких бытовых графических систем (подсистем) с преобладанием того или иного эффекта [НГБ VIII: 100–105; ДНД₁: 19–22], но затем пришел к заключению, что выбор между вариантами осуществляется не на уровне системы, а на уровне индивидуальных предпочтений пишущего [ДНД₂: 23]. Так, наиболее крупный блок грамот, написанных одним почерком («блок Якимы»), «характеризуется последовательной заменой \bar{z} на o , а e (после согласной) и \bar{b} — на \bar{b} » [НГБ XII: 140].

² В недавнее время И. М. Ладыженский [2011: 99–118] и Г. А. Мольков [Крысько, Мольков 2020: 48–56] подвергли критике гипотезу о книжном произношении, высказав предположение, что генезис бытовой графической системы следует

смешения совершенно различна: если в книжной письменности мена букв — в тех текстах, где она вообще присутствует — затрагивает «в самых ярких случаях один–два процента (обычно же малые доли процента)» от числа употреблений [Ibid.: 584], то в берестяных грамотах сер. XII – кон. XIV в. она отчетливо преобладает.

Редкость буквенной мены в книжной письменности обусловлена орфографическими установками писцов: как при создании, так и при копировании текстов (часто сопровождавшемся правкой оригинала) писцы опирались на свое разговорное произношение, пользуясь правилом «писать *ѣ* и *ь* там, где в соответствующих формах и словах русской живой речи слышались звуки *ѣ* и *ь*, а *о* и *е* там, где слышались звуки *о* и *е*» [Дурново 1933/2000: 663]. После падения и прояснения редуцированных правило естественным образом изменилось: пиши *о* и *е* там, где в разговорной речи произносишь [о] и [е], и не пиши никакой гласной там, где в разговорной речи отсутствует гласная (даже если в оригинале гласная буква имеется), ср. [Успенский 1988/1997: 161].

Несмотря на то, что на современный взгляд установка «как слышишь, так и пиши» кажется предельно простой, речь идет об орфографическом правиле, для усвоения и корректного применения которого требовалась специальная выучка. Таковая выучка отсутствовала у писавших «по-бытовому»: этой разновидностью письма пользовались люди, прошедшие, по выражению А. А. Зализняка [2002: 597], «одностороннее обучение», т. е. такое, в ходе которого обучали чтению, но не обучали письму. Последнее утверждение не следует понимать буквально: как видно, в частности, из грамот мальчика Онфима, в ходе начального обучения усваивалось, как минимум, начертание букв и написание слогов; Онфим упражнялся и в написании целых фраз — как цитат из церковнославянских текстов, так и этикетных формул берестяной переписки, например: **поклоно ѿ онѣима ко данилѣ** НГБ № 199. Более того, учитывая широкую распространенность берестяной письменности в Новгороде, можно полагать, что приобретение элементарных навыков письма прямо входило в задачи обучения грамоте: когда автор грамоты № 687 пишет (видимо, жене о ребенке) *[d]ai грамоти оуцтити*, он, вероятно, имеет в виду научить ребенка не только читать, но и писать. Однако начальное обучение не имело це-

связывать с особенностями орфографии книжных рукописей, бытовавших на Руси в XI в. Как мне представляется, это предположение вызывает множество вопросов и затруднений и в целом в качестве гипотезы, разъясняющей формирование бытовой системы письма, выглядит менее убедительно, чем гипотеза Шахматова и Дурново. Однако подробное обсуждение этой темы выходит за рамки настоящей статьи.

лью подготовку профессиональных писцов (для этого существовали скриптории). Следовательно, единственными правилами, которые усваивались учениками, были правила чтения, правила же орфографии, подобные «правилу Дурново», обычно оставались вне их компетенции.

Последнее обстоятельство лежало в самой основе формирования бытового письма. Как пишет Б. А. Успенский [1994: 36], «[с]амой собой разумеется, что овладение чтением определяет в какой-то степени и умение писать, поскольку правила чтения могут быть тем или иным образом конвертированы в правила письма». А. А. Зализняк также отмечает, что «бытовые системы письма, по-видимому, формировались под значительным влиянием приемов чтения и записи по складам³, принятых при обучении грамоте» [НГБ IX: 253]. Тем не менее, конкретные способы конвертации правил чтения в правила (бытового) письма остаются неисследованными. Их рассмотрение составляет задачу настоящей статьи.

1. Система чтения по складам

Прежде чем приступить к решению этой задачи, конечно, необходимо получить представление о самих правилах чтения, применявшихся в ходе обучения грамоте. Несмотря на то, что прямые свидетельства о системе обучения грамоте (буквари и грамматические труды) относятся к сравнительно позднему времени⁴, ее основные контуры восстанавливаются достаточно надежно. Краткие сведения, излагаемые ниже, главным образом почерпнуты из статьи [Успенский 1970/1997].

Основу обучения грамоте на Руси составлял метод чтения по складам. Он заключается в том, что читающий последовательно опознает в тексте и прочитывает единицы, воспринимаемые им как слоги. Все слоги в данной системе чтения — «открытые», т. е. каждый слог оканчивается на гласную и после каждой гласной начинается новый слог. Графические слоги (склады) принято было заучивать наизусть. Традиционные восточнославянские буквари неизменно содержат раздел складов. Учебные списки складов представлены в берестяных грамотах Онфима № 199, № 201, 204, 206 (1240–1260)⁵ и в грамоте № 623 (1360–1380→); ниже приводится грамота № 199:

³ Под «записью по складам», вероятно, имеются в виду упражнения в записи слогов, представленные, в частности, в грамотах мальчика Онфима (см. ниже).

⁴ В [Успенский 1970/1997: 247] среди наиболее ранних текстов подобного рода упомянуто сочинение Константина Грамматика нач. XV в.

⁵ Здесь и далее для краткости приводятся условные даты берестяных грамот, указанные на веб-сайте www.gramoty.ru. Стрелки означают вероятное смещение датировки назад или вперед [НГБ X: 145]. Грамоты цитируются по [ДНД₂: 243].

Внутренняя сторона:

а б в г д | у е ж з | и к л м н | о п р с т у | ѱ χ ω̄ ц ч ш | щ зь
 ы [ь] ѣ ѝ ю ѡ ѣ | ба | ва га да | жа за ка | ла ма на | па ра са
 | та ѳа ха | ца ча ша | ца бе ве | ге де же зе | ке ле ме | не пе
 ре се | те ѳе хе це | че ше ще :

Далее на другой полосе бересты:

би ви ги | ди жи зи | ки ли ми | ни пи {ир} | ри си

В грамоте № 201 склады разделены двоеточием:

а б : в г : д е : ж з : | з и : і к : л м : | н о : п р : с т : у ѳ | χ
 ω̄ : ц ч : ш щ : | ь ы : ь ѣ : ѝ ю : | ѡ ѣ : ба : ва га : | да : жа :
 за : ка : | ла : ма : на : па : | ра : са : та : ѳа : аχ | ца : ча :
 ша ца :

В ряде грамот (НГБ № 915 (1050–1075), Ст. Р. 36 (1140–1160), НГБ № 422 (1140–1160), № 700 (1160–1180→), № 112 (1200–1220→), № 651 (1200–1220), № 412 (1260–1280→), № 707 (←1280–1300)) текст последовательно разделен на слоги⁶, причем чаще всего разделительным знаком служит такое же двоеточие, как в грамоте № 201 (реже это точка), ср. НГБ № 915:

ω̄ : ро:жнѣ:та : къ : къ:сна:ти:ноу : въ:за
 лъ : е:си : оу : о:тро:{к}ка : мо:е:го : кы:е:вѣ
 гри:въ:ноу : се:ре:бра : при:съ:ли : коу:ны
 о:же : ли : не : при:съ:ле:ши то : ти : вѣ : по:лы

Показательно, что в огромном множестве берестяных грамот перенос слова на следующую строку последовательно производится в соответствии со слогоделением по принципу открытых слогов, ср. ниже грамоту № 366. В отличие от аналогичного явления в книжных рукописях, в берестяных грамотах, написанных «по-бытовому», данный эффект, очевидно, обусловлен не применением специального правила, а восприятием слогов (складов) как цельных графических единиц.

В системе чтения по складам каждый слог прочитывается следующим образом: сначала произносится азбучное наименование каждой буквы, входящей в состав слога, затем — звучание всего слога; например, слог «ба» читается: *буки-азъ-ба*. После этого слог произносится повторно, уже как часть слова; например, в случае слога «ба»: *буки-азъ-*

⁶ Случаи разделения слогов с помощью точек встречаются и в пергаменных грамотах, например, в двинской грамоте № 25: *се ку.ли.; ѡтчи.ны.; земля.ми.; верхне.го.* и т. п. [Шахматов 1903, II: 42].

ба ба. Таким образом, после называния каждой буквы в слоге сам слог произносится дважды: сначала как «сумма» прочитанных букв, потом как часть слова, при этом каждый новый слог, представляющий часть слова, прочитывается вместе с предыдущим таким же слогом (слогами), так что в итоге произносится слово целиком; например, слово «бѣди» читается: *буки-ук-бу бу добро-иже-ди буди* [Ibid.: 258].

Важная особенность: в процессе чтения каждая буква, образующая склад, не произносится как отдельный звук, а называется в соответствии с ее наименованием в букваре. Звуковое прочтение получает лишь слог целиком.

Впрочем, сказанное выше относится только к слогам, состоящим из двух и более букв, типа CV и CCV. Но наряду с ними имелись слоги, состоящие из одной гласной, типа V⁷. В системе чтения по складам слог типа V образует всякая гласная, которая находится в начале слова или следует за другой гласной. Чтение таких слогов устроено совершенно иначе, чем чтение слогов типа CV/CCV, а именно: «Если слог состоит всего из одной гласной [...] то буква, образующая данный слог, не называется [...], а сразу произносится звучание слога, совпадающее со звучанием соответствующей гласной⁸. Иными словами, слог подобного рода (а, следовательно, и сама буква) произносится в виде соответствующего гласного звука [...] Так, слово “иже” читается: *и живете-есть-же иже*, т. е. буква “и” читается как *и*, а не как *иже*, причем это чтение относится не к обозначению буквы, а к обозначению сочетания (слога), которое в данном случае состоит всего из одной буквы. Точно так же слово “ижица” читается: *и живете-иже-жи ижи цы-аз-ца ижица*; слово “оно” читается: *о наш-он-но оно*, слово “еры” *е рцы-еры-ры еры* и т. п.»; «в начальной позиции слог, состоящий из одной гласной, как бы примыкает к предшествующему слогу» [Ibid.: 260–261], т. е. предшествующий слог не повторяется; например, слово «сыи» читается *слово-еры-сы и сыи*.

Итак, в отличие от гласных и согласных букв в слогах типа CV/CCV, гласные буквы, образующие слог типа V, в процессе чтения не называются в соответствии с азбучными «именами», а произносятся как звуки.

Теперь вернемся к берестяным грамотам и посмотрим, что указанные правила чтения могут дать для понимания устройства бытовой графической системы.

⁷ Ср. определение слога в «Грамматике» Лаврентия Зизания: «Что есть сло҃гъ; Сло҃гъ естъ, снитіе гласнаго съ съгласнымъ. љко, ба. или оуединеніе гласнаго» (цит. по [Успенский 1970/1997: 278] в упрощенной орфографии). «У Тредиаковского [...] слог такого рода называется “чистым складом”. Точно так же и Барсов называет гласную, стоящую после гласной, “ч и с т о ю гласной”» [Ibid.].

⁸ Исключение — буква «а», которая, однако, читается как *аз*, не как *аз-а*, т. е. опять-таки без отдельного произнесения слога [Ibid.: 261].

2. Отсутствие смещения *ь* и *о*, *ь* и *е* в позиции не после согласной

А. А. Зализняк пишет: «Рассматривая вопрос о смещении *ь* с *о* и *ь* с *е*, необходимо прежде всего отметить следующее общее ограничение на распределение этих букв: буквы *ь* и *ь* ни в какой из выявленных графических систем не могут выступать в начале фонетического слова (т. е. словоформы, взятой вместе с относящимися к ней проклитиками и энклитиками) и после гласной буквы» [НГБ VIII: 100–101].

Ученый объясняет это явление так: «При обучении письму учитель сообщал также орфографическое правило, запрещающее писать *ь* и *ь* в начале графического слога. Заметим, что последнее правило в письме на бересте почти никогда не нарушается. Из этого можно заключить, что ч и с т о е обучение чтению, без всяких элементов обучения письму, является всё же скорее удобным конструктом, упрощающим описание основных особенностей ситуации, нежели полной реальностью. На деле, вероятно, даже при начальном обучении грамоте могли так или иначе сообщаться также отдельные сведения, относящиеся фактически к письму, а не к чтению (как, например, запрет писать *ьплать* или *ьсть*)» [Зализняк 2002: 599].

Итак, для бытового письма отсутствие мены букв в начале графического слога оказывается двойным исключением, противоречащим: а) принципу эквивалентности *ь* и *о*, *ь* и *е*; б) представлению о том, что носителей бытового письма не учили правилам орфографии. Как признает сам Зализняк, начало графического слога — «отнюдь не очевидное для профана понятие» [Зализняк 2002: 594]. Остается неясным, как предполагаемым учителям удавалось не только растолковать это понятие и связанное с ним правило не слишком образованным носителям бытового письма, но и добиться практически безупречного соблюдения этого правила: согласно [ДНД₂: 24], во всем корпусе берестяных грамот правило «не писать *ь* и *ь* в начале графического слога» нарушено лишь трижды. Для сравнения в книжных текстах мена *ь – о*, *ь – е* может достигать 2% [Живов 1984/2006: 93–97; Зализняк 2002: 580]; тем самым, если бы в бытовой письменности действовало правило начала графического слога, то пришлось бы признать, что писавшие «по-бытовому» применяли это правило куда более последовательно, чем профессиональные писцы — «правило Дурново», предписывавшее избегать мены *ь – о*, *ь – е*.

Попробуем рассмотреть феномен не-смещения *ь* и *о*, *ь* и *е* в позиции не после согласной исходя из того, что бытовая графическая система есть продукт конвертации правил чтения в правила письма.

Прежде всего, можно сразу упростить задачу и говорить не о «начале графического слога» вообще, а о слоге, равном одной гласной букве.

Не только материал Успенского, но и берестяные грамоты с разделением слогов показывают, что гласные буквы в начале слова и после другой гласной всегда обозначают отдельный слог, ср. в приведенной выше НГБ № 915: *е:си, о:тро:{к}ка, мо:е:го, кы:е:вѣ, о:же*. То же правило действует при переносе слова на следующую строку в соответствии со слогоделением, ср. *не о||слушаи же са* НГБ № 1113 (1180–1200).

Показательно, что слоги типа V («чистые», в терминологии Третьяковского и Барсова) могут маркироваться специальными графемами: *а* (vs. *а* после согласной), *е* (vs. *е*), *и* (vs. *и*), *о/о/о* (vs. *о*), *оу* (vs. *у*), ср., например, НГБ № 102, 689, 446, 178, 23⁹. Также над «чистой» гласной может ставиться точка (или две точки) — либо в качестве дополнительного знака, если одновременно используется одна из специальных графем, либо в качестве основного средства выделения (ср. НГБ № 311, 361). Эти орфографические средства, составляющие, замечу, единственный элемент орфографии в бытовом письме, пришли в берестяную письменность из книжной традиции (где они тоже очевидным образом связаны с тенденцией к графическому выделению «чистых» слогов). Оригинальная особенность берестяных грамот состоит в спорадическом использовании с той же целью разделительных точек и двоеточий, ср. Торж. 19: *любо сѣмо присѣли · а · твои п(рип)лываеть · а · же · оу · сторовѣ · а · сѣд(е)жѣмъ на товаръ*. Ср. также *влѣкси-и* НГБ № 310 (здесь же встречается непоследовательное выделение слогов типа CV: *но-вгороцкому, твѣе-гъ, на-де-ежса*), *да-и, клана-ю* НГБ № 186, *оу-сопо* НГБ № 482 (здесь же: *лоне-скоко*), *сво-е* НГБ № 178, *и:хъ, и:мъ* НГБ № 855.

Таким образом, смешения *ъ* с *о* и *ь* с *е* не происходит тогда, когда *о* и *е* образуют слог типа V. В отличие от слогов типа CV/CCV, где каждая отдельная буква читается не в виде звука, а в виде наименования этой буквы в букваре, в слогах типа V (за исключением *а*, см. примечание 8) буквы произносятся так же, как обозначаемые ими звуки (= слоги). Следовательно, при освоении грамоты обучаемые усваивали, что слог [о] обозначается буквой «онъ», а слог [е] — буквой «есть». Что же касается букв *ъ* и *ь*, то они никогда не выступали в виде отдельного слога и читались лишь в складах типа CV/CCV. В складах этого типа и только в них буквы *ъ* и *ь* и *е* были взаимозаменяемы¹⁰. Тем самым специального правила, запрещающего смешение букв в слогах типа V, не требовалось.

⁹ Последовательность 'предлог в виде согласной буквы + начальная гласная слова' трактуется как слог типа CV, ср. в НГБ № 23 (1400–1410): *к осподину, с ольско[и]*, но *юсми шсподинь, ньмногго шсподинь, два швина*.

¹⁰ Последовательность 'предлог в виде согласной буквы + начальная гласная слова' трактуется как слог типа CV, ср.: *въбакунъвихъ дѣти* 'у Обакуновых детей', *въбакунъвихъ дѣтеи мѣсть* 'вместо Обакуновых детей' [Шахматов 1903, II:

3. Характер базовых соответствий между фонетическими и графическими единицами в бытовом письме

Из сказанного выше следует, что ставший уже привычным тезис о «синонимичности» букв *ѡ* – *о* и *ѣ* – *е* в бытовой системе письма требует серьезного уточнения. Так, В. М. Живов [2006: 93] пишет: «Из того, что в книжном произношении одинаково читались буквы *ѡ* и *ѣ*, *ѣ* и *ѣ*, следует, что при обучении чтению по складам такие, например, склады, как *ѡо* и *ѣѣ*, *ѣѣ* и *ѣѣ* оказывались омофоничными. Соответственно, в сознании обучающегося буквы *ѡ* и *ѣ*, *ѣ* и *ѣ* были «синонимичными». При этом *ѡ*, точно так же как и *ѣ*, соотносилось с звуками [о] и [ѣ] живой речи, а *ѣ*, точно так же как и *ѣ*, — с звуками [е] и [ѣ] живой речи. Отсюда в некнижном письме *ѡ* и *ѣ* могут безразлично выступать как обозначения звуков [о] и [ѣ], а *ѣ* и *ѣ* — для обозначения звуков [е] и [ѣ]».

Понятно, что если бы дело обстояло именно так, то мена *ѡ* – *о* и *ѣ* – *е* наблюдалась бы во всех возможных позициях, а не только после согласных. В своих рассуждениях Живов исходит из представлений, которые могут показаться нам очевидными, но в действительности являются частью современной письменной культуры и незнакомы тем, кто к этой культуре не принадлежит. Логика этих рассуждений предполагает, что «в сознании обучающегося» речь состоит из отдельных звуков, звукам же соответствуют определенные буквы. Между тем подобные представления — не что иное, как результат целенаправленного обучения. В восприятии «наивного» носителя языка минимальными речевыми единицами являются не звуки, а слоги. Это обусловлено самим устройством человеческой речи, которая естественным образом распадается именно на слоги¹¹. В современной школе обучение грамоте обычно начинается с произнесения букв как звуков, например, *б* – [б], *г* – [г] и т. д., лишь затем осваиваются «слияния», т. е. чтение простейших слогов типа CV. Так современные носители русского языка получают представление о звуках и буквах как минимальных единицах речи и письма. Напротив, в системе чтения по складам соответствия типа «звук ↔ буква» не использовались совсем. В складах типа CV/CCV отдельные буквы ни на одном из этапов чтения не произносились в виде звуков, фонетически прочитывался лишь слог целиком. В результате обучаемые усваивали базовые соответствия типа «графический слог (склад) ↔ фонетиче-

119–120], *събѣ половины* ‘с обеих сторон’ [Ibid.: 143], *къзеру* ‘к озеру’ [Ibid.: 45], *вънтоуши* ‘у Онтюши’ [Сибирцев, Шахматов 1909: 9]. Ср. примечание 9.

¹¹ Ср. определение слога: «минимальная произносительная единица речи, характеризующаяся максимальной слитностью своих компонентов. В артикуляторном отношении слог нечленим в том смысле, что речь распадается именно на слоги как минимальные произносительные единицы, а не на отдельные звуки» [Буланин 1970: 150].

ский слог», например, «ба» ↔ [ба]. Закономерным образом для слогов, состоящих из одного гласного, устанавливались соответствия типа «о» ↔ [о], однако в рамках данной системы это соответствие — между звучанием слога и обозначающей его буквой, а не между буквой и отдельным звуком.

На закрепление в сознании носителей бытового письма базовых соответствий типа «графический слог ↔ фонетический слог» работали все три вышеупомянутых фактора: 1) система чтения по складам; 2) практика записи и заучивания складов в процессе освоения грамоты; 3) восприятие слогов как естественных минимальных произносительных единиц.

Изложенные наблюдения позволяют предположить, что, с точки зрения носителей бытового письма, омофоничными и взаимозаменяемыми являлись не буквы *ъ* и *о*, *ь* и *е* как таковые, а пары складов типа CV/CCV с этими буквами, например, *бъ* – *бо*, *бь* – *бе*. Каждая из таких пар складов использовалась для записи соответствующей пары фонетических слогов; например, склады *бъ* и *бо* — для слога [бъ], но также и для слога [бо], склады *бь* и *бе* — для слога [бь], но также и для [бе]. В тех случаях, когда слог был равен одной гласной букве, соответствие «слог ↔ буква» было равнозначно соответствию «звук ↔ буква»¹² и меня букв не происходило.

4. Эффект скандирования

С чтением по складам А. А. Зализняк справедливо связывает и такую важную особенность берестяных грамот, написанных «по-бытовому», как «эффект скандирования» [НГБ IX: 253]. Согласно [ДНД₂: 35], «скандирующий принцип записи (или, иначе, эффект скандирования) состоит в том, что за любой согласной буквой на письме должна следовать гласная буква (в число таковых считаются входящими также *ъ* и *ь*). Если на фонетическом уровне гласной нет (т. е. если перед нами конечная или предконсонантная согласная), то пишется *ъ* или *ь* (в бытовой графической системе соответственно *о* или *е*) — в зависимости от твердости или мягкости согласной. Пример: *дорѡгаа соторона* ‘другая сторона’ 390. Понятно, что при последовательной реализации скандирующего принципа на письме оказывается обозначенной твердость или мягкость каждой согласной в слове».

Но затем следует важное уточнение: «На практике, правда, скандирующий принцип обычно реализуется не совсем последовательно:

¹² Строго говоря, соответствие, о котором идет речь, имело вид «звук ↔ буква» только для слога [о], в случае же слога [je] оно выглядело как «слог CV ↔ буква». Существенно, однако, что в обоих случаях отдельная буква соотносится с определенной фонетической единицей.

некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других это касается сочетаний *ст*, *ск*, *сп* и сочетаний типа “согласная + л или р”)» [ДНД₂: 35].

Отмеченная Зализняком непоследовательность в реализации скандирования становится понятной в свете особенностей обучения грамоте в древней Руси. Одним из ключевых элементов этого обучения (наряду с запоминанием алфавита) было заучивание наизусть азбучных складов, одним из главных упражнений — запись последовательностей складов. Неудивительно, что в процессе письма носители бытовой графической системы оперировали теми же отпечатавшимися в памяти складами. В грамотах Онфима и грамоте № 623 представлены только простейшие склады типа CV. Тем не менее, следует полагать, что заучивались и склады типа CCV: этот тип складов представлен как в многочисленных берестяных грамотах с разделением слогов, подобных приведенной выше грамоте № 915, так и в церковнославянских букварях, начиная с самых ранних, см. Острожскую Азбуку Ивана Федорова 1578 г. [Немировский 1983].

Число азбучных складов типа CCV было относительно невелико: естественным ограничением для него служило то весьма небольшое разнообразие консонантных сочетаний, которое в принципе допускалось старославянским языком. В [Lunt 2001: 34] список этих сочетаний выглядит так (курсивом выделены сочетания, встречающиеся только внутри фонетического слова, т. е. невозможные в анлауте):

sp st sk sc sx sv sr sl sm sn pr pl plj pn tv tr tn kr kl klj kn cv
zb zd zg zj zv zr zl zm zn br bl blj bn dv dr dn dm gv gr gl gn gnj zv
xv xr xl xn vr vl
spr spl splj stv str skr skv skl sklj skvr scv sxv čr čl št šv šlj šnj švlj štr
zbr zbl zblj zdv zdr zgr zgv zgl žr žl žlj žd žnj ždrj

Консонантные сочетания, которые, как определил Зализняк, в берестяных грамотах с эффектом скандирования чаще всего «остаются в обычном виде», — как раз из этого списка.

Таким образом, отсутствие вставных гласных в определенных консонантных сочетаниях — следствие применения на письме азбучных складов типа CCV, последние же содержат консонантные кластеры, свойственные старославянскому и раннедревнерусскому. Отсюда, в частности, происходит такой любопытнейший лингвистический феномен, как позднедревнерусские берестяные грамоты с «раннедревнерусским» (или близким к таковому) состоянием редуцированных (подробнее об этом см. [Петрухин 2019: 90–98]). Выразительный пример такого рода — грамота № 366 (←1360–1380). Ниже в ней выделены все

буквенные сочетания, в которых возможно сохранение или пропуск «этимологического» слабого редуцированного или вставка «неэтимологического» гласного. Назовем такие сочетания «релевантными». Буквенные сочетания, совпадающие с раннедревнерусским состоянием («правильные»), подчеркнуты; сочетания, отклоняющиеся от раннедревнерусской нормы (т. е. с пропуском редуцированного или вставкой «лишнего» гласного), выделены серой заливкой. Не учитываются позиции конца слова и предлоги, а также редуцированные в суффиксе *-ьj-*.

сь урадѣса · аковь съ гурьѣ
 гьмо · и съ харѣтономъ
 по бьсудьной грамотѣ
 цто бьль възалъ гурьгѣ грамоту
 в ъзьѣжьной пышьнѣцѣ а харѣ
 рѣтоно во проторѣхо своѣхъ
 и въза гурьгѣ за вьсь то рубль
 и трѣ грѣвонь и коробью пышь
 нѣцѣ · а харѣтонъ въза · дьсать
 локоть сукона и грѣвону · а боль
 нь надобѣ гурьгю нѣ харѣтону
 до акова нѣ акову до гурьга нѣ
 до харитона · а на то радьцѣ и послуѣ
 давьдъ лукѣнъ сынъ сътьпанъ таишѣнъ

Как можно видеть, по состоянию редуцированных эта грамота 2-й пол. XIV в. близка к раннедревнерусским текстам (т. е. написанным до рубежа XII–XIII вв.): из 25 релевантных сочетаний 23 правильных¹³. Аналогичная картина наблюдается в грамотах Ст.Р. 30 (1180–1200)¹⁴, Пск. 6 (←1260–1280), НГБ № 346 (1280–1300), № 390 (1280–1300), № 582 (1280–1300→), № 122 (←1410–1420→), № 293 (←1240–1260).

Квази-раннедревнерусский вид перечисленных грамот едва ли можно рассматривать иначе, как отпечаток консервативной системы обучения грамоте. Набор азбучных складов оставался неизменным еще долгое время после того, как падение редуцированных в разговорном восточнославянском вызвало радикальную перестройку слогаделения

¹³ Написание *рубль* несомненно отражает произношение [руб'ел'].

¹⁴ Хотя эта грамота датируется концом XII в. (приблизительное время окончания процесса падения и прояснения редуцированных), в ней представлен последовательный переход [e] > [o] (три случая), что дает основание рассматривать ее как позднедревнерусскую, ср. [ДНД₂: 449].

и отменило всякие ограничения на сочетание согласных¹⁵. В сознании носителей бытовой графической системы азбучные склады по-прежнему оставались элементарными графическими единицами, но если до падения редуцированной структура складов практически совпадала со структурой слога деления в живом языке, то теперь это единство было утрачено. В грамотах, написанных «по-бытовому», это давало следующий эффект: те консонантные сочетания, которые содержались в азбучных складах, писавшие оставляли без изменений, «новые» же сочетания они разделяли вставными гласными *o/ъ* или *e/ь* (в зависимости от твердости/мягкости предшествующего согласного)¹⁶, тем самым преобразуя их в последовательность простейших складов типа CV¹⁷.

Еще один способ избегания непривычных сочетаний согласных отмечен А. А. Зализняком. Речь идет о «написаниях типа *Тимоше* 78, *браце* 531, где графический вид CV в сущности достигается искусственно — благодаря записи сочетания согласных с помощью одиночной буквы» [НГБ IX: 253–254] (*Тимоше* < *Тимошькъ*, *щ* передает [шк]; *браце* < *братъче*, *ц* передает [ч'] с долгим затвором)¹⁸. Зализняк видит в таких написаниях отражение «общей тенденции к графическим слогам вида CV», которая, «очевидно, была свойственна не только авторам грамот с последовательным скандированием, но, в более умеренной форме, также и многим другим носителям бытовых систем письма» [Ibid.: 253]. Однако, как показывают наблюдения, писавшие «по-бытовому» избегали не всяких слогов типа CCV, но прежде всего таких, в которых присутствуют «новые» консонантные сочетания, что, между прочим, подтверждают и приведенные Зализняком примеры.

К примерам типа *Тимоше*, *браце* примыкают случаи передачи двойных согласных одной буквой, ср. *вьръ* ‘в вере’ НГБ № 579 (←1360–1380), *коню* ‘к коню’ (2×) НГБ № 305 (1400–1410→). Особенно многочисленны подобные примеры в пергаменных двинских грамотах, где также

¹⁵ Так, еще в XVII в. «во всех московских азбуках [...] в разделе складов непременно помещаются сочетания с ером и ерем (*бъ, вь, бь, вь, бръ, брь* и т. п.), которые должны были заучиваться наизусть как специальные слоги при обучении грамоте» [Успенский 1970/1997: 266].

¹⁶ Эти вставные гласные отчасти напоминают *ъ* и *ь* в старославянских заимствованиях, которые также «появились для избежания закрытости слога и некоторых групп согласных» [Селищев 1951: 280], ср.: *пъсалъмъ* (греч. *ψαλμός*), *оръганъ* (греч. *ὄργανον*), *Ег'уптъ* (греч. *Αἴγυπτος*). Однако в старославянском речь идет о фонетическом явлении [Ibid.: 99–100; Ван-Вейк 1957: 93–94], а в позднерусских берестяных грамотах — о графическом.

¹⁷ В частности, так объясняются случаи, когда, согласно Зализняку, буква *ъ* выступает «в роли твердого знака», как, например, в формах *оуверънулъ* и *польштину* из московской берестяной грамоты № 4 (посл. четв. XIV в.) [Беляев et al. 2019: 25].

¹⁸ Аналогичные примеры обсуждаются в [Гиппиус 2020: 23–25].

довольно широко используется бытовая графическая система со всеми присущими ей особенностями, ср. *вѣкы* ‘во веки’ № 6 [Шахматов 1903: 10], *вѣкъ* ‘во веки’ № 11 [Ibid.: 19], *сторону* ‘со стороны’ № 17 [Ibid.: 30], *подворомо* ‘под двором’ № 26 [Ibid.: 44].

Конечно, тенденция к сохранению на письме «старых» консонантных сочетаний и разделению «новых» отнюдь не гарантировала идеального «восстановливания» раннедревнерусского состояния редуцированных, и не только из-за написаний типа *Тимоше, браце, коню* ‘к коню’. Дело в том, что после падения еров помимо новых, не свойственных раннедревнерусскому сочетаний согласных появились и такие, которые можно назвать «квази-старыми»: например, словоформы *столь, стояти, стьна* содержат «старое» сочетание *ст*, несомненно присутствовавшее в азбучных складах, но в *сто* (< *съто*) такое же *ст* — следствие выпадения ера. Понятно, что для носителя бытового письма между этими *ст* не было никакой разницы. В этом смысле очень показательна грамота № 651 (1200–1220), где, на фоне бытовой графики и частичного разделения слогов, вставные гласные на месте слабых редуцированных присутствуют в «новых» сочетаниях (*возати, ко мене*), но отсутствуют в «квази-старых» (*смею* < *сѣмъю, восли* < *вѣсъли*), ср.:

...

БЕ:С ТВЪ-Є:ГО ПО:ВЕ-ЛЕ-НИ:А · НЕ : СМЕ:Ю ВОЗАѠ
ТИ · Н-И[ЦЕГО] Ж[Е А] ВОСЛИ ГРАМОТЮ КО МОНЕ

Показательна также форма *стороговале* грамоты Пск. 6 (←1260–1280), где пропущен исконный *ѣ* в «квази-старом» сочетании *ст* и одновременно разделено вставным гласным «новое» сочетание *рѣ*¹⁹. В [ДНД₂: 516] это написание объясняется иначе, а именно как пример особой разновидности скандирования — силлабо-скандирования. «Силлабо-скандирующий принцип отличается от скандирующего тем, что *ѣ, ъ* (или *о, е*) пишутся не после всякой предконсонантной согласной, а лишь после такой, которая заканчивает слог. Этот принцип тоже обычно реализуется на практике не совсем последовательно. См., например, грамоту Пск. 6 (В 39)» [ДНД₂: 35].

Поскольку Зализняк считает Пск. 6 (←1260–1280) наиболее выразительным образцом силлабо-скандирующей записи, рассмотрим эту грамоту целиком, выделив представленные в старославянской системе сочетания согласных одной чертой, а непредставленные (в том числе разделенные в тексте вставными гласными) — двумя чертами:

¹⁹ В раннедревнерусской системе в данной форме после *р* мог быть редуцированный в силу «второго полногласия», однако Пск. 6 относится к позднедревнерусскому периоду, когда слабый *ѣ* в этой позиции уже невозможен.

Ѡ кюрѡка и Ѡ герасѡма к ано-Ѡѡѡму про белоу оже кѡте
не сторо-говале то прислите со проста зано-да оу насо
коупла есте беле а про себе оже боудше порожене то боу-
ди к намо а намо ксѡно-Ѡѡѡте измакле а про сеи чело-
веко мѡ ѡго не знаемо а во томо боженѡ вола и тв-
оѡ

Согласно Зализняку, наблюдаемая картина «точно соответствует правилам графического эффекта “полускандирования” (§1.14)²⁰: гласная буква (в данном случае *о* или *е*) ставится после каждой согласной, заканчивающей слог; ср., с одной стороны, [зан-да], [кан-ф’иму], [кс’инофон-т’е], [стор-говал’ѣ], с другой — [при-сл’ит’е], [ку-пл’а] и т. п. (к сочетаниям с предлогом этот принцип применяется непоследовательно, ср. *к намо*, но *со проста*)» [ДНД₂: 516].

Сама по себе идея о том, что, прежде чем записать некоторое слово, автор грамоты (и прежде всего носитель бытовой системы письма) мысленно (а скорее всего, вслух) делил его на слоги, представляется верной и важной. Однако цитированный пассаж содержит порочный круг: так, слоговоеделение [стор-говал’ѣ] постулируется именно потому, что после *р* имеется вставной гласный. Между тем здесь, как и в рассмотренных выше случаях, автор грамоты довольно последовательно «разбивает» вставными гласными «новые» сочетания, оставляя нетронутыми «старые» (включая «квази-старые»), единственное исключение — *кс* в *Ксѡноѡѡте*.

Также Зализняк выделяет особый тип «мягкостного» скандирования, при котором вставные гласные используются только после мягких согласных [ДНД₂: 35]. Здесь наиболее показательным образцом ученый считает грамоту № 69 (1280–1300)²¹:

Ѡ тереньтѡа къ мѡхѡлю при-
шлѡить лошакъ съ аковъцем[ъ]
поѡдутъ дружина савѡна ѡадъ
а на арославѡи добръ здоровъ и с гри-

²⁰ В §1.14 принцип записи, о котором идет речь, назван «силлабо-скандированием», «полускандирование» используется здесь как альтернативное обозначение для «мягкостной» скандирующей записи, о которой см. ниже. По-видимому, в комментарии к Пск. 6 Зализняк использует термин «полускандирование» как общее обозначение для «силлабо-скандирующей» и «мягкостной» записи, в противоположность обычному скандированию.

²¹ Приводится текст на внутренней стороне грамоты. На внешней стороне автор грамоты написал Ѡ *Тѡр*, но затем «решил начать заново на внутренней стороне: Ѡ *Тереньтеѡ*. Возможно, его не удовлетворил ѡ, написанный вместо *е*, т. е. он счел нужным придерживаться книжной графической системы» [ДНД₂: 512–513].

ГОРЕМЪ ОУГЛИЦАНЕ ЗАМЕРЬЗЬЛИ НА
АРОСЛАВЛИ І ТЫ ДО УГЛЕЦА И ТУ ПАКЪ
ДРУЖИНА

Как можно видеть, и в этом тексте вставные гласные используются в основном в новых консонантных сочетаниях, исключения — *пришьлѣть* (впрочем, *шл* — очень редкое в старославянском сочетание, едва ли входившее в набор азбучных складов), *замерьзьли*. То, что в данной грамоте такие сочетания содержат только мягкие согласные, — по-видимому, случайность, обусловленная относительной краткостью грамоты.

Итак, всего Зализняк выделяет три типа скандирования: основной, когда гласная буква (в идеале) должна следовать за каждой согласной, однако некоторые консонантные сочетания обычно сохраняются; силлабо-скандирующий, когда гласная вставляется после каждой согласной, заканчивающей слог, и мягкостный, когда гласная вставляется после мягких согласных. С нашей точки зрения в таком дроблении нет необходимости: принцип написания всюду един, отдельные особенности носят индивидуальный, а не системный характер.

Впрочем, «разбиваться» могли и вполне привычные консонантные сочетания, ср. дважды встретившуюся запись *солова* ‘слова’ в НГБ № 497 (а также другие подобные примеры в этой грамоте). Чем это обусловлено? Согласно Зализняку, подобные записи соответствуют «тому предельному варианту чтения по складам, при котором консонантные сочетания разбиваются на отдельные склады; графический слог здесь всегда имеет вид CV (т. е. соответствует при самодиктанте простейшему типу склада)» [НГБ IX: 253]. Однако такой метод чтения по складам, который требовал бы замены консонантных сочетаний на слоги типа CV, насколько нам известно, не практиковался.

Поставленный вопрос связан с вопросом о том, почему в роли «вставных» гласных выступают именно буквы *ъ/о* и *ь/е*²². Здесь можно обратить внимание на следующие моменты. Явные признаки скандирования встречаются только в грамотах, написанных не ранее конца XII в. (в основном — в грамотах XIII в.), т. е. после падения редуцированных, когда слабым *ъ* и *ь* в книжных текстах чаще всего соответствовал нуль звука в разговорном языке. Тем самым в сознании пишущих слоги типа «бъ», «бь» могли ассоциироваться со звучанием [б], [б'] и наоборот. В то же время в системе чтения по складам буквы *ъ* и *ь* графически несамостоятельны, они не произносятся как отдельные звуки и на письме встречаются только после согласных. Так же несамостоятельны и

²² Возможен также вариант с *ы/и*, но такие примеры в берестяных грамотах очень редки [ДНД: 35].

буквы согласных, они тоже не произносятся как отдельные звуки и на письме, как правило, представлены в комбинации с одной из гласных. В совокупности перечисленные факторы могли способствовать восприятию *ъ* и *ь* (и их «заменителей» *о* и *е*) как своего рода слогообразующих символов при буквах согласных. Соответственно, для передачи согласного звука *С* носитель бытового письма мог использовать склад типа *CV*, где *V* — гласные *ъ/о* или *ь/е*: например, звук [д] в слове *другои* он мог записать как «дъ» или «до» (ср. *дорѡгаа соторона* ‘другая сторона’ НГБ № 390), т. е. точно так же, как, по его опыту, этот звук передавался, например, в слове *городъ*.

5. Некоторые выводы

Итак, правила, применявшиеся в ходе обучения грамоте, включая как книжное произношение еров, так и чтение по складам, определили основные особенности бытовой графической системы. Для носителей этой системы письма азбучные склады являлись основными письменными единицами: отдельные буквы принадлежали алфавитной последовательности, тексты же, как читаемые, так и записываемые, состояли из складов.

Сам процесс письма можно представить себе следующим образом. Прежде чем записать некоторый речевой отрезок (например, фонетическое слово), человек, у которого привычка писать не доведена до автоматизма (а к таковым, очевидно, принадлежало большинство носителей бытового письма), должен был произнести его вслух, разбив на определенные фонетические сегменты, а затем соотнести эти сегменты с известными ему графическими знаками. Этими фонетическими сегментами обычно оказывались слоги, а графическими знаками — склады. Описанная процедура похожа на «перевернутое» чтение по складам: при чтении графические единицы (склады) произносятся как фонетические слоги, в результате чего возникает фонетическое слово; при письме слово делится на фонетические слоги, к которым затем подбираются подходящие склады. В обоих случаях работали усвоенные при прохождении грамоты соответствия типа «графический слог (склад) ↔ фонетический слог», различалось лишь направление стрелки в этих соответствиях.

В то же время важно учитывать, что деление грамот на написанные «по-бытовому» и написанные «по-книжному» в значительной мере условно: как говорилось выше, не только берестяные грамоты, написанные в основном по книжной орфографии (ср., например, НГБ № 724, конец основного текста), но даже книжные пергаменные рукописи нередко содержат мену букв *ъ* и *о*, *ь* и *е*, здесь же могут встречаться вставные гласные

в непривычных консонантных сочетаниях; с другой стороны, авторы грамот, написанных в основном «по-бытовому», могли окказионально использовать «орфограммы», например, записывать «по-книжному» слова, графический облик которых они усвоили из своего опыта чтения. Все это неудивительно, поскольку будущие книжники и будущие носители бытовой системы письма учились грамоте по одной и той же системе — системе чтения по складам. Разница в том, что первые, в отличие от вторых, были специально обучены орфографии. Естественно, что в текстах, написанных книжниками, нетвердо усвоившими орфографические правила, могли проступать базовые навыки, полученные в ходе начального обучения, и наоборот, не учившиеся в скрипториях авторы берестяных грамот могли использовать отдельные приемы книжного письма. Тем самым ни от «книжных», ни от «бытовых» текстов нельзя априори ожидать полной последовательности в соблюдении тех или иных графико-орфографических установок (хотя на практике такие случаи вполне возможны), но важно иметь в виду само наличие двух систем и то, что за ними стоят разные принципы письма.

6. Неполноразличительная графическая система в свете мировой истории письма

Сравнение книжной и бытовой систем письма может привести к парадоксальному выводу: система, которой пользовались люди, освоившие лишь «азы» грамоты, кажется более сложно устроенной, чем книжное письмо, «попросту» опиравшееся на живое произношение писавшего. Однако в свете данных по истории и типологии письменных систем картина выглядит иначе.

Слоговому принципу письма принадлежит исключительная роль в истории письменности²³. Во всех цивилизациях, где письменность возникла *ex nihilo* (таких центров всего три: Китай, Шумер, майя), появилось именно слоговое (или словесно-слоговое) письмо [Daniels 2018: 84–98]. Причины этого лежат как во внутренней логике развития графических систем (которую здесь нет необходимости обсуждать²⁴), так и в

²³ Термин «слоговое письмо» не совсем точен, поскольку (как будет отчасти видно из дальнейшего изложения) обычно в письменных системах, к которым применяется этот ярлык, отсутствуют однозначные соответствия между фонетическими слогами и графическими знаками. В настоящее время в основном принята терминология, более точно описывающая разновидности «словесных» систем письма, а именно введенные Питером Дэниэлсом термины «абджад» и «абугида» [Daniels 2018]. Однако для данной статьи эти детали не имеют большого значения, поэтому используется привычный традиционный термин.

²⁴ Заинтересованные читатели могут обратиться к указанной работе Дэниэлса.

универсальных свойствах человеческого языка. Выше уже отмечалось, что с фонетической (и психолингвистической) точки зрения минимальными единицами речи являются не отдельные звуки, а слоги, поэтому слоговое деление дается «наивным» носителям языка относительно легко, тогда как разложение речи на гласные и согласные требует больших усилий и целенаправленного обучения. Известнейший специалист по истории письма И. Е. Гельб, рассматривая примеры распространения грамотности в бесписьменных обществах, контактировавших с европейцами, отмечает: «В то время как все представители примитивных обществ наделены естественной способностью улавливать такие части речевого потока, как высказывание или отрезок предложения, вычленение в этом потоке отдельных слов часто дается им с трудом. Умение разделять слово на составляющие его слоги представляет собой большой шаг вперед в понимании речи, и носители языка часто обучаются ему под внешним влиянием. Разделение же слогов на отдельные звуки обычно оказывается за пределами их возможностей. Естественность именно такой последовательности развития анализа речи подтверждается тем фактом, что почти все письменности, введенные в новое время в примитивных обществах, остановились на слоговой ступени. Западными исследователями неоднократно отмечалась эффективность слоговых систем и та исключительная легкость, с которой удавалось обучать чтению и письму с их применением, в отличие от трудностей, возникающих при усвоении алфавитных письменностей» [Гельб 1982: 196]²⁵. Известно множество случаев, когда представители бесписьменных обществ, уже познакомившиеся с алфавитной графикой, словно в насмешку над ученой концепцией о строго однонаправленном развитии письма по цепочке ‘логография — силлабография — алфавит’ изобретали для своего языка слоговую систему. Как пишет ученик Гельба П. Дэниэлс, «в современную эпоху, когда письменные системы изобретаются людьми, уже знающими о существовании письменности, результатом всегда оказывается слоговое письмо» [Daniels 2018: 84]. Хрестоматийный пример такого рода — письменность, изобретенная Секвойей в нач. XIX в. для языка индейского племени чероки²⁶. Другой пример — письменность народа ваи (Западная Африка): «[...] некоторые дети и взрослые из народа ваи имели возможность получить начальное образование у британских и американских миссионеров. Но когда Момолу

²⁵ В русский перевод текста внесены незначительные изменения.

²⁶ Ставя под вопрос исключительное превосходство алфавитной системы письма над всеми остальными, Гельб пишет: «Как можем мы осудить энтузиазм по отношению к слоговому письму, который, как пожар, охватил всех чероки, потому что им удавалось овладеть новой системой за один день, тогда как обучение английскому письму требовало четырех лет?» [Гельб 1982: 225].

Дувалу Букеле решил, вероятно в 1832/33 г., создать письменность для своего народа, он отбросил всё, что он мог знать об английском алфавите, и создал слоговое письмо» [Daniels 2018: 12]. Позднее не без влияния ваи разнообразные слоговые системы письма распространились по всей Западной Африке.

Конечно же, приведенные примеры довольно далеки от ситуации в древнем Новгороде: в последнем не имел места акт сознательного изобретения новой письменности. Тем не менее, если бытовое письмо действительно является особой графической системой, распространенной среди людей, прошедших лишь базовое обучение, то в свете изложенных выше наблюдений нет ничего неожиданного в том, что с историко-типологической точки зрения по целому ряду параметров эта система оказывается шагом назад в сторону слоговой письменности.

Показательно, что многие особенности бытовой графической системы находят аналоги в силлабических письменностях древнего мира. Так, Гельб [1976: 283–284] пишет: «Во всех клинописных системах большое число знаков, оканчивающихся на -i, могло также употребляться для передачи слогов, оканчивающихся на -e. Например, знак LI имел значения li и le; знак, обычно именуемый WA, мог читаться как wa, wi, we, wu; знак LAB — как lab и lib. Кроме подобного рода слоговых знаков, которые либо вовсе не указывали на качество гласного, либо же передавали его приблизительно, в месопотамской клинописи имелся и другой тип знаков: они указывали приблизительно звучание *согласного* звука, входившего в состав слога. Например, знак AG мог иметь чтения ag, ak, aq; знак GA — чтения ga, kà, qá и т. д. [...] Из этих двух способов создания слоговых знаков первый способ играл в клинописи более важную роль. Напротив, в египетской системе письма именно второй способ лег в основу формирования силлабария».

Mutatis mutandis в древнерусском бытовом письме наблюдаются похожие явления (понятно, что в клинописном и иероглифическом письме слог обозначается одним знаком, а в нашем случае — набором букв), а именно: неразличение некоторых гласных (мена *ъ – о* и *ь – е – ѣ*) при в основном последовательном различении согласных; неразличение некоторых согласных. По поводу последнего пункта уместно напомнить, что, согласно Зализняку, «новгородская бытовая графическая система характеризуется наличием систематического смешения *ц* с *ч*, тогда как в новгородской книжной письменности это смешение присутствует лишь в качестве погрешности (хотя и довольно распространенной) против общей установки писца на этимологически правильное распределение *ц* и *ч*» [ДНД₂: 23]. Напомню также, что в [Зализняк 2002] бытовая графическая система охарактеризована как «неполноразличительная».

Слоговой письменности известен и феномен вставных гласных. Так, поздние ассиро-вавилонские тексты, по словам Гельба [1976: 290], «часто содержат необычные написания, например: *na-ta-ku-lu* вместо *natkulū*, *a-ra-ta-laḥ* вместо *artalaḥ*». Некоторые исследователи полагали, что вставные гласные вводились с целью «облегчить произношение сочетания нескольких согласных, следующих друг за другом» [Ibid.]. Однако, отмечает Гельб, это предположение не объясняет «лишние» гласные на конце слов, также очень частотные, например: *ba-la-ṭa* вместо *balāt*, *a-ra-ku* вместо *arāk*. По мнению Гельба, рассматриваемое явление связано с тем, что в поздний ассиро-вавилонский период традиционная клинопись была уже не единственной системой письма в Месопотамии: конкуренцию ей составляло арамейское письмо. И если клинопись обладала графическими средствами для записи консонантных сочетаний без «лишних» гласных, то в арамейском письме каждый знак обозначал согласный плюс какой-либо гласный. Следовательно, как полагает Гельб, необычные клинописные написания можно трактовать как «следы влияния арамейской системы письма» [Ibid.: 291].

Славянский алфавит, в отличие от арамейского, конечно, технически позволял обозначить согласный без гласного, однако носители бытовой графической системы привыкли произносить согласные только в сочетании с гласными и на письме оперировать складами, также всегда оканчивающимися гласной буквой, отсюда многочисленные вставные гласные в берестяных грамотах.

Во многих этрусских надписях отмечена своеобразная «пунктуация»: «[...] знаки, передающие инициальные гласные слова и слогаобразующие согласные, отмечаются точками, которые ставятся либо перед буквой, либо после буквы, либо перед и после буквы и, наконец, могут ставиться внутри буквы» [Гельб 1976: 295]. Похожая пунктуация, как отмечалось выше, использовалась и в берестяных грамотах. Примечательно, что А. А. Зализняк в комментарии к грамотам мальчика Онфима № 199 и 201, указав на «глубочайшую древность» подобных алфавитно-силлабических списков, привел в качестве примера хранящуюся в музеях Ватикана этрусскую вазу VII в. до н. э., запись на которой «с точностью до способа объединения складов в группы» устроена так же, как записи Онфима [ДНД₂: 477].

В заключение подчеркну, что я отнюдь не предлагаю трактовать бытовую графическую систему как разновидность слоговой системы письма. Речь идет о том, что те особенности бытовой системы письма, которые противопоставляют ее книжной системе (прежде всего опора на склады как основные письменные единицы и мена гласных при различении согласных), одновременно типологически сближают ее со слоговым

письмом. В этом смысле можно рассматривать бытовое письмо как алфавитную систему с элементами слогового письма. В конкретных текстах эти элементы могут быть выражены в большей или меньшей степени. Учитывая многочисленные наблюдения, указывающие на высокую эффективность слоговых систем письма в обществах, где письменная культура еще не глубоко проникла в массы, можно предположить, что своего рода «гибридный» алфавитно-слоговой характер бытового письма в большой степени способствовал широкому распространению письменности среди жителей Новгорода и других древнерусских городов.

Библиография

Беляев et al. 2019

Беляев Л. А., Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Берестяная грамота Москва-4: результаты комплексного исследования, *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, 3 (77), 2019, 21–30.

Буланин 1970

Буланин Л. Л., *Фонетика современного русского языка*, Москва, 1970.

Ван-Вейк 1957

Ван-Вейк Н., *История старославянского языка*, Москва, 1957.

Гельб 1976

Гельб И. Е., Западноевропейские силлабарии, *Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки: сборник статей*, Москва, 1976, 263–303.

——— 1982

Гельб И. Е., *Опыт изучения письма (Основы грамматики)*, под ред. и с предисл. И. М. Дьяконова, Москва, 1982.

Гиппиус 2020

Гиппиус А. А., Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе, *Вопросы языкознания*, 5, 2020, 22–37.

ДНД₁

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 1995.

ДНД₂

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., Москва, 2004.

Дурново 2000a

Дурново Н. Н., Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка, Idem, *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000, 391–495.

——— 2000b

Дурново Н. Н., Славянское правописание X–XII вв., Idem, *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000, 644–682.

Живов 2006

Живов В. М., Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII века, Idem, *Восточнославянское правописание XI–XIII века*, Москва, 2006, 76–130.

Зализняк 2002

Зализняк А. А., Древнерусская графика со смешением ъ – о и ь – е, Idem, «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва, 2002, 577–612.

Крысько, Мольков 2020

Крысько В. Б., Мольков Г. А., *Восточнославянские рукописи XI – начала XIII вв.: Лингвистические очерки*, под ред. В. Б. Крысько, Москва, 2020.

Ладыженский 2011

Ладыженский И. М., Графико-орфографические и языковые особенности рукописных книг Типографского собрания РГАДА № 165, 166, 167 (Диссертация на соискание степени канд. филологических наук, Москва, 2011).

НГБ 8

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*, 8, Москва, 1986.

НГБ 9

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.)*, 9, Москва, 1993.

НГБ 10

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*, 10, Москва, 2000.

НГБ 12

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*, 12, Москва, 2015.

Немировский 1983

Азбука Ивана Федорова 1578 г., подгот. факс. изд., исследование памятника Е. Л. Немировского, факс. изд., Москва, 1983.

Петрухин 2019

Петрухин П. В., Где и когда собирал дань новгородец Савва?, *Slověne = Словъне*, 1, 2019, 55–108.

Селищев 1951

Селищев А. М., *Старославянский язык. Часть первая. Введение. Фонетика*, Москва, 1951.

Сибирцев, Шахматов 1909

Сибирцев И. М., Шахматов А. А., *Еще несколько двинских грамот XV века* (= Исследования по русскому языку, 2/5), Санкт-Петербург, 1909.

Соболевский 2006

Соболевский А. И., Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Труд Б. М. Ляпунова, Idem, *Труды по истории русского языка. 2: Статьи и рецензии*, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько, Москва, 2006, 501–509.

Успенский 1968

Успенский Б. А., *Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России)*, Москва, 1968.

——— 1994

Успенский Б. А., *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*, Москва, 1994.

——— 1997a

Успенский Б. А., Одна архаическая система церковнославянского произношения (Литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев), Idem, *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997, 289–319.

——— 1997б

Успенский Б. А., Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты), Idem, *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997, 246–288.

- 1997в
Успенский Б. А., Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров), Idem, *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997, 143–208.
- 2002
Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, 3-е изд., Москва, 2002.
- Шахматов 1903
Шахматов А. А., *Исследование о двинских грамотах XV в.*, 1–2 (= Исследования по русскому языку, 2/3), Санкт-Петербург, 1903.
- 1915
Шахматов А. А., *Очерк древнейшего периода истории русского языка* (= Энциклопедия славянской филологии, 11/1), Петроград, 1915.
- 1941
Шахматов А. А., *Очерк современного русского литературного языка*, 4-е изд., Москва, 1941.
- Daniels 2018
Daniels P. T., *An Exploration of Writing*, Sheffield, Bristol, 2018.
- Lunt 2001
Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.

References

- Belyaev L. A., Gippius A. A., Zaliznyak A. A., Birch-bark letter “Moscow-4”: the interdisciplinary case study, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3 (77), 2019, 21–30.
- Bulanin L. L., *Fonetika sovremennogo russkogo iazyka*, Moscow, 1970.
- Daniels P. T., *An Exploration of Writing*, Sheffield, Bristol, 2018.
- Durnovo N. N., Russkie rukopisi XI i XII vv. kak pamiatniki staroslavianskogo iazyka, Idem, *Izbrannye raboty po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2000, 391–495.
- Durnovo N. N., Slavianskoe pravopisanie X–XII vv., Idem, *Izbrannye raboty po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2000, 644–682.
- Gelb I. J., *A study of writing*, I. M. Diakonoff, ed., Moscow, 1982.
- Gelb I. J., Zapadnosemitskie sillabarii, *Tainy drevnikh pis'men. Problemy deshifrovki: sbornik statei*, Moscow, 1976, 263–303.
- Gippius A. A., Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2019, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 5, 2020, 22–37.
- Krysko V. B., Molkov G. A., *Vostochnoslavianskie rukopisi XI – nachala XIII vv.: Lingvisticheskie ocherki*, Moscow, 2020.
- Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.
- Nemirovskii E. L., ed., *Azbuka Ivana Fedorova 1578 g.*, Moscow, 1983.
- Petrukhin P. V., Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute?, *Slověne*, 1, 2019, 55–108.
- Selishchev A. M., *Staroslavianskii iazyk*, 1: *Vvedenie. Fonetika*, Moscow, 1951.
- Shakhmatov A. A., *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*, 4th ed., Moscow, 1941.
- Sobolevskii A. I., Issledovanie o iazyke Sinodal'nogo spiska 1-i Novgorodskoi letopisi. Trud B. M. Liapunova, V. B. Krysko, ed., A. I. Sobolevskii, *Trudy po istorii russkogo iazyka. 2: Stat'i i rensenzii*, Moscow, 2006, 501–509.
- Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, 3rd ed., Moscow, 2002.
- Uspenskij B. A., Starinnaia sistema chteniia po skladam (Glava iz istorii russkoi gramoty), Idem, *Izbrannye trudy*, 3: *Obshchee i slavianskoe iazykoznanie*, Moscow, 1997, 246–288.
- Uspenskij B. A., *Arkhaiskaia sistema tserkovnoslavianskogo proiznosheniia (Iz istorii liturgicheskogo proiznosheniia v Rossii)*, Moscow, 1968.
- Uspenskij B. A., *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka (XI–XIX vv.)*, Moscow, 1994.
- Uspenskij B. A., Odnarhaiskaia sistema tserkovnoslavianskogo proiznosheniia (Liturgicheskoe proiznoshenie starobriadtsev-bespopovtsev), Idem, *Izbrannye trudy*, 3: *Obshchee i slavianskoe iazykoznanie*, Moscow, 1997, 289–319.

Uspenskij B. A., Russkoe knizhnoe proiznoshenie XI–XII vv. i ego sviaz' s iuzhnoslavianskoi traditsiei (chtenie erov), Idem, *Izbrannye trudy*, 3: *Obshchee i slavianskoe iazykoznanie*, Moscow, 1997, 143–208.

Wijk N., van, *Geschichte der altkirchenslavischen Sprache*, Moscow, 1957.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 12: *Iz raskopok 2001–2014 gg.*, Moscow, 2015.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 9: *Iz raskopok 1984–1989 gg.*, Moscow, 1993.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 8: *Iz raskopok 1977–1983 gg.*, 8, Moscow, 1986.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: *Iz raskopok 1990–1996 gg.*, Moscow, 2000.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 1995.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., Drevnerusskaia grafika so smesheniem ū – o i ī – e, Idem, «*Russkoe imennoe slovoizmenenie*» s prilozheniem *izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu iazyku i obshchemu iazykoznaniiu*, Moscow, 2002, 577–612.

Zhivov V. M., Pravila i proiznoshenie v russkom tserkovnoslavianskom pravopisanii XI–XIII veka, Idem, *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka*, Moscow, 2006, 76–130.

Павел Владимирович Петрухин, кандидат филологических наук
старший научный сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Школа актуальных гуманитарных исследований

Института общественных наук РАНХиГС

119571, пр. Вернадского, 82, корп. 2

Россия / Russia

ppetrukhin@gmail.com

Received February 13, 2020